

УДК 81'37 (045)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-15-25

БАТЮШКИ! ОПЫТ ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ МЕЖДОМЕТИЯ ИСПУГА

Брагина Н. Г.^{1,2}, Рябова Ю. А.¹

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Рассмотрение вербальных средств выражения испуга, а именно: описание особенностей употребления вторичного междометия Батюшки!, этимологически восходящего к вокативу батюшка.

Процедура и методы исследования. В статье мы обратились к истории возникновения междометия и к исследованию контекстов его современного употребления, что позволяет предложить комплексное описание данной единицы. Методом контекстного анализа были исследованы и расклассифицированы извлечённые из Национального корпуса русского языка тексты (более 100 примеров употребления). Семантическое описание междометия строилось с привлечением материала толковых и аспектных словарей русского языка.

Результаты проведённого исследования. В результате проведённого исследования был проиллюстрирован процесс образования междометия Батюшки! из этимологически родственного вокатива батюшка; предложена классификация контекстов употребления междометия; выявлены вербальные и невербальные характеристики эмоционального поведения человека в состоянии испуга.

Теоретическая / практическая значимость. Изложенные в статье результаты исследования помогут создать модель описания междометных выражений разных типов, характеризующих эмоциональное состояние говорящего. Работа может быть полезна в практике преподавания русского языка как родного, русского языка как иностранного, а также в теории и практике перевода.

Ключевые слова: чувство, эмоция, страх, испуг, речь, междометие, русский язык

BATYUSHKI! THE EXPERIENCE OF THE LINGUO-PRAGMATIC DESCRIPTION OF THE INTERJECTION OF FRIGHT

N. Bragina^{1,2}, Yu. Ryabova¹

¹ Pushkin State Russian Language Institute
6 ul. Akademika Volgina, Moscow 117485, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya pl., Moscow 125993, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The paper examines the verbal means of the expression of fright, namely, we discuss the usage of the secondary interjection Batyushki!, which etymologically originates from the vocative batyushka (lit. daddy).

Methodology and Approach. In the article, we discuss the history of the interjection Batyushki! and analyse modern contexts of its usage, which helps us to propose the integrated description of this

lexical unit. The research methodology was based on contextual analysis. We analysed texts extracted from the National Corpus of the Russian Language (more than 100 examples). The semantic description of the interjection was based on the materials of general explanatory and specialized dictionaries of the Russian language.

Results. As a result of the study, the process of the formation of interjection *Batyushki!* from the etymologically originated vocative *batyushka* was illustrated. The paper proposes a classification of the contextual usage of the interjection *Batyushki!* It also describes the verbal and non-verbal characteristics of a person's emotional behaviour in the state of fright.

Theoretical and Practical implications. The proposed analysis can help to create a model for the description of different types of interjection expressions. It also helps to describe the means, by which the emotional state of a speaker is expressed in the Russian language. The results of our analyses can be useful in the practice of teaching Russian to Russians, Russian to foreigners, and in the theory and practice of translation.

Keywords: emotion, feeling, fear, fright, interjection, language, Russian language

Статья посвящена анализу языкового выражения эмоции страха. Страх как эмоциональная реакция на опасность имеет прямо противоположные характеристики, которые отражаются в описывающих его устойчивых словосочетаниях: по данным русского языка он проявляется в динамике (побежать от страха, отскочить в испуге) и в статике (цепенеть, замереть от страха); в крике (кричать от страха) и в молчании (онеметь от страха, терять дар речи). В работе мы рассматриваем эмоционально-речевое выражение значения слова испуг, входящего в группу слов, описывающих страх¹.

СИНОНИМЫ СТРАХ И ИСПУГ: ОБЛАСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

Страх является общим словом к группе синонимов боязнь, испуг, ужас, паника со значением: 'неприятное чувство или состояние, какое бывает, когда человек ощущает или считает, что он находится или может оказаться в опасной ситуации, над которой не имеет контроля'². При этом

лексемы страх – испуг разведены несколькими смысловыми признаками.

Во-первых, различие заключается в причине возникновения: *страх* может быть вызван как непосредственной опасностью, так и предположением человека о возможной угрозе, причиной же *испуга* становится внезапное ощущение непосредственной опасности, неожиданное и конкретное (пусть даже незначительное).

Испуг вызван непосредственной причиной – его внешнее проявление конкретно: нас *пугает* внезапность / громкость чего-либо – например, неожиданный звук (*ты меня испугал, потому что ты вдруг крикнул*) или громкий звук (*кто-то громко поперхнулся, я вздрогнул*), какая-либо мысль (...*испугался, потому что мне пришла вдруг в голову мысль...*), наступившая темнота (*отступить, испугавшись темноты*), пустяк, трудность, угроза и т. д.

Во-вторых, *испуг* не возникает в результате анализа ситуации, а в-третьих, он обязательно проявляется внешне (в поведении, в выражении лица, в речи и т. д.) и с трудом контролируется. Испуг трудно сдерживать и подавить, например, можно сказать: *сдержатъ страх, преодолеть страх*, – но не говорят: **сдержатъ испуг, *преодолеть испуг.*

Таким образом, испуг внезапен, он возникает без участия разума, скрыть эти переживания довольно трудно; но при этом он недолог (*Я только сначала испугалась,*

¹ Уточним, что все рассмотренные нами языковые единицы выражения *испуга*, касающиеся речевой активности субъекта, являются устойчивыми и привычными для носителей русского языка и русской культуры.

² См.: Страх 1, боязнь, испуг, ужас 1, паника // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка; 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 1109.

потому что очень неожиданно... Н. Дубов «На краю земли»).

В настоящей работе на материале Национального корпуса русского языка языка¹ мы рассмотрим речевые фразеологизмы и междометия, выражающие испуг при помощи речевой формулы *батюшки!*

РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИСПУГА

Человек, испытывающий испуг, может выражать его с помощью речевого действия, но порой оно выражается без участия голоса, только мыслится, т. е. совершается беззвучно. Здесь мы говорим о так называемой внутренней речи: это речь про себя и для себя, она также определяется как беззвучная речь, как скрытая вербализация. В нашей работе мы используем тексты, в которых междометие *Батюшки!* может употребляться и как фрагмент внутренней речи², и как отрезок звучащей речи. Например: – *Батюшки, пожар!* – подумал я ... (Ф. Шалапин «Моим детям»); – *Батюшки!* – испуганно подумал Рюхин, – да он и впрямь нормален? (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Речевая реакция испуганного человека выводит нас в область речевых клише, среди которых можно выделить две группы клише-реакций: голосом человек, находящийся под властью негативного чувства, либо «кричит, говорит», либо «зовёт, призывает»³. Кстати говоря, интонация, с которой произносятся такие речевые клише, передаётся с помощью восклицательного знака; но так бывает не всегда, ср.: *Комок земли вывернул, лапу вытянул, а на лапе-то? батюшки мои...* (Э. Шим «Приключения зайца»).

К первой группе относятся первичные междометные реакции человека, испытывающего испуг (*Ай, Ой, Ах*); ко второй

группе – вторичные реакции, т. е. **этимологически** происходящие из вокативов.

Батюшки <мои светы (святые)>! Батюшки, сватушки! Боже!; <О (ах) (>) Боже <ты> <милостивый (правый, праведный)>! <Святая> Дева Мария!; <Ах(>) <ты> Святая Дева Мария! Мама мия! Матушки! Мамочка (-и) моя (-и)! и др.: – Батюшки, убьёт, архангелы, уморит! – завизжала Марья Григорьевна (П. Алешковский «Седьмой чеходанчик»).

Таким образом, мы выделяем две группы речевых реакций, употребляющихся испуганным человеком, являющихся устойчивыми и привычными для носителей русского языка: первичные и вторичные междометия⁴. В последнее время первичные и вторичные междометия, их функционирование в языке рассматривается в работах по сопоставительному анализу [4; 6; 7; 10].

Далее мы подробнее остановимся на группе вторичных междометий, происходящих от вокативов, основным компонентом которых является *отец*, а именно его «ласковый» вариант во множественном числе – *батюшки*.

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДОМЕТИЯ БАТЮШКИ!

В отличие от простых междометных реакций испуга (*Ой! Ай!*) реакции-клише (*Господи! Мамочка! Мамочки! Батюшки!*) имеют семантическую мотивацию – испуганный человек ищет поддержку у воображаемых защитников и обращается – к *Богу, Матери Божьей и другим святым* или конкретным лицам – *к отцу, матери*. Интересно отметить случаи, когда обращение к заступнику переходит в молитву: ... *увязая не в раз в сугробы снежные, она не раз вычитывала с ужасом «Батюшки, мои светы! вынеси, самсонова сила, лёгкое перо!..»* (И. Лажечников «Ледяной дом»); *Слышь, как резанул опять Кильмяк? Батюшки-светы, преподобный Проконий! – молился вслух Арефа, прислушиваясь к заплечной работе* (Д. Мамин-Сибиряк «Охоины брови»).

⁴ Более подробно о первичных и вторичных междометных реакциях – см. [8].

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 10.05.2019).

² Более подробно о внутренней речи – см. [3].

³ См.: Голос // Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1987. С. 431.

В летописях мы изначально находим слово батя, далее обнаруживаем, что в русском языке XI–XVII вв. отца именуют батя¹, но первая его словарная фиксация – в «Словаре Академии Российской» – уже даётся с пометой «просторечное, простонародное»²; самые ранние примеры мы можем найти в летописях начиная с XII в.: река тако. ѿдаваетъ ти бата черниговъ а съ мною въ любви поживи (Киевская летопись³).

В дальнейшем появляется ласковое батюшка (у которого отсутствует помета «просторечное» как раньше, так и сейчас) – батюшка зафиксировано в деловых актах московского государства за 1619 г.⁴; в XVIII в. слово батюшка «уже не редкость»⁵:

Тогда к нему пришёл

От батюшки посл

И говорит: «Отец совсем твой умирает,

С тобой проститься он желает

И приказал к себе просить»

(И. Крылов «Стыдливый игрок», 1788).

В словаре русского языка XVIII в. находим толкование этого слова, а также то, что батюшка выступает не только в значении ‘один из родителей мужского пола’, но и как обращение к постороннему мужского пола⁶, и почтительное обраще-

ние к священнику⁷, а также к человеку / государственному деятелю высокого статуса / ранга, от которого ждут заступничества, покровительства, и где предполагается заботливое отношение (отеческое): барин-батюшка, царь-батюшка, губернатор-батюшка. Таким образом, «говорящий метафорически распространяет модель семьи на весь мир» [5, с. 110].

Подчеркнём, что возникает обратная ситуация: «старший по чину или званию говорит иногда младшему батюшка, давая понять, что снисходит к нему, но что они, впрочем, не ровни»⁸.

Подытожим сказанное: батюшка – это и Бог, и царь, и духовник, и крёстный, и родитель, и учтивое обращение к постороннему собеседнику. Сейчас это слово сохраняет указанные выше значения, но в значении ‘отец’ оно даётся с пометой «устарелое» и «почтительное»⁹, в настоящее время возрастает частотность¹⁰ у слова в качестве «вежливого обращения к священнику»¹¹; как форма «ласково-фамильярного обращения к собеседнику»¹² также сохраняется, но ограниченно – при-

русском разговорном этикете ... допускается обращение к незнакомому человеку с помощью термина родства – *мать, отец, сынок, дочка, дедушка, бабушка, дядя, тётя, внучок, внучка, братец/браток, сюда же отнесём матушка, батюшка* – все они «совмещают в себе фамильярность вместе с особой теплотой» [5, с. 110]. См. также: [1; 2].

¹ См.: Батя // Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1 (А–Б) / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1975. С. 80.

² См.: Батюшки // Словарь Академии Российской: в 6 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book10107/#page/119/mode/1up> (дата обращения: 14.02.2019).

³ Киевская летопись – летопись за 1119–1199 гг. в составе Ипатьевского списка первой четверти XV в. опубликована в изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись (См.: Ипатьевская летопись [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004161787#?page=101> (дата обращения: 05.04.2019)).

⁴ См.: Батюшко, батюшка // Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1 (А–Б) / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1975. С. 80.

⁵ См.: Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка* [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=chernykh> (дата обращения: 10.02.2019).

⁶ В своей книге М. Кронгауз развенчивает миф о том, то в русском языке нет слов-обращений (в действительности нет нейтрального обращения): «... в

⁷ См.: Батюшка, батюшко [Электронный ресурс] // Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 1 (А–Безпристрастие): [сайт]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

⁸ См.: Батя // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. С. 55.

⁹ См.: Батюшка // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985. С. 65.

¹⁰ См.: Батюшка // Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 02.05.2019).

¹¹ Толковый словарь Ушакова / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 02.03.2019).

¹² Там же.

надлежит к разговорному жанру¹; кроме того, фиксируется существовавшее ранее значение 'о чём-л. дорогом, жизненно важным' (*хлеб-батюшка*) с пометой «народно-поэтическое»². *Батя* тоже существует как «отец» или «священник», но с указанием – «просторечное, фамильярное» и помечается как «устаревшее»³. Приведём примеры современного употребления:

*Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю – как лёг, как встал, –
И всё теплей и благодарней*

Два слова: – Батюшка Урал...

(А. Твардовский «Две жизни»);

Хромую кошку, бездомного щенка. Выходила «батюшка». Анна Давыдовна – первая встреченная мной санитарка, которая любила – по-настоящему! – свою работу (И. Грекова «Перелом»); Батюшка ходит и кропляет их святой водой – для пропитания тела и преображения души (В. Дашкова, Месяц трёх спасов); Вслед за этим батюшка-губернатор собственноручно подписал указ о принятии программы по очистке и благоустройству Омска... (Омский мусорный абзац (2003) // Криминальная хроника).

Таким образом, все указанные значения сохраняются и в настоящее время, но как «уходящие»⁴, кроме значения 'православ-

ный священник', которое всё активнее употребляется в современных условиях.

Что касается вторичного междометия *Батюшки!*, то мы найдём его во всех современных словарях русского языка (начиная со словаря XVIII в.): данное слово используется для выражения изумления, радости, испуга и возмущения в следующих сочетаниях в качестве междометия: *Батюшки*⁵; *Батюшки мои*⁶; *Батюшки-светы*⁷; *Батюшки мои, светы*⁸; *Батюшки, сватушки*⁹; *Батюшки святы*¹⁰; большинство исследователей сопровождают их пометами: *Батюшки (мои)!* («разговорное») и *батюшки светы!* («устарелое и просторечное») ¹¹.

Если обратиться к литературным текстам, то находим *батюшка* / *батюшки* в качестве междометия для выражения эмоциональных состояний, в том числе и испуга:

*Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону!»*
(И. Хемницер «Друзья», 1782);

*Я так подумал и очнулся,
Из Талыжни черпнул воды,
Умылся, проглянул, встряхнулся,
Аи, батюшки, беды, беды!*
(Н. Львов «Фортуна», 1797).

славянской культуры, 2014. С. 168.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985.

² См.: Батюшка // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=батюшка+&all=x> (дата обращения: 02.04.2019).

³ См.: Толковый словарь Ушакова / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 02.03.2019).

Такое обращение актуализируется в последнее время в неофициальном обращении к священнику, который теперь всегда присутствует в армии: «... Новые правила не предписывают, как обращаться к военному священнику и надо ли отдавать ему воинскую честь. Обращение осталось прежним: «батюшка», «отец» (некоторые командиры, у которых сложились хорошие отношения со своими помощниками, называют их «батя»...)» (В. Сокирко. Военных священников оставят в армии на договоре // Известия. 2013.08.22).

⁴ См.: Батюшка // Активный словарь русского языка. Т. 1 (А–Б) / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки

⁵ См.: Батюшки // Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 1 (А–Безпристрастие): [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

⁶ См.: Батюшки мои! // Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/11646/Батюшки> (дата обращения: 02.05.2019)

⁷ См.: Батюшка // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=батюшка+&all=x> (дата обращения: 02.04.2019)

⁸ См.: Батюшки мои, светы! // Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи / В. Ю. Меликян. М.: Флинта: Наука, 2001. С. 53.

⁹ См.: Батюшки // Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Т. 1 (А–М) / А. И. Фёдоров. Новосибирск: ВО «Наука», 1995. С. 22.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Батюшка // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. С. 38.

Это самая ранняя его фиксация¹. В начале XIX в. продолжают использовать междометие – мы находим его и у П. Сумарокова (Ах, батюшка!), у А. Грибоедова – у него батюшки выступает в качестве междометия единоды² (при многочисленном использовании единственного числа этого существительного):

Ах! батюшка, ах, ах!

Какой я видел страх!

(П. Сумароков «Ах! батюшка, ах, ах!..», 1808);

Батюшки, мне нужен бенефис! (А. Грибоедов «Проба интермедии», 1818).

В дальнейшем XIX век активно употребляет *Батюшки!* – множество примеров можно найти в художественных текстах (в том числе в рифмованных текстах) разных авторов:

Ой, господи-светы! Ой, батюшки мои! *Опять выжгут наши слободы!* (А. Толстой «Царь Фёдор Иоаннович», 1868);

Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!» (П. Ершов «Конёк-горбунок», 1834).

Примеры позволяют убедиться в том, что использование междометия *Батюшки!* в литературных текстах этого времени частотно; особенно часто его можно встретить у М. Загоскина:

... – **вскричал** Алексей, – сорвался... упал в воду! ... **Ах, батюшки!** ... *тонет, сердечный!* ... (М. Загоскин «Юрий Милославский, или русские в 1612 году», 1829);

– *Небось, братец; мертвецы через дорогу не перебегают, – сказал с улыбкою Рославлев. – Глядь-ка, барин!.. – закричал ямищик, – глядь! вон и огонёк в окне показался – свят, свят!.. Ух, батюшки!.. Ажно мороз по коже подирает!.. Куда это нелёгкая его понесла?* (М. Загоскин «Рославлев, или Русские в 1812 году», 1829).

Обратившись к словарю языка А. Пушкина, мы обнаружим огромное количество примеров интересующего нас

¹ По данным Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.05.2019)

² См.: Батюшки // Словарь языка А. С. Грибоедова. Том 1. / А. Е. Поляков [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 05.03.2019).

слова (*батюшка*) и его производные (*батюшкин, батюшкинов*³) и междометие *Батюшки!*:

– **Батюшки, беда!** – *отвечала Василиса Егоровна. – Нижнеозёрная взята сегодня утром* (А. Пушкин «Капитанская дочка»); *День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику* (А. Пушкин «Капитанская дочка»); *Андрюха, земский, посадил, вишь, их в колодки – и хочет везти к батюшке-государю* (А. Пушкин «Капитанская дочка»); *Что касается до 1270, требуемых за просрочку батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите* (А. Пушкин, Переписка 1826–1837).

Если взять словарь языка Ф. Достоевского⁴, то выяснится, что батюшка встречается в значительной степени реже и используется как вокатив, а как междометие совершенно не используется: Я, батюшка, останусь здесь со свечой и буду ловить мгновение (Ф. Достоевский «Братья Карамазовы»); – Да вы, батюшка, чего обижаетесь? – отвечал толстяк, – нечего вам обижаться! (Ф. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели»); – А, почтеннейший! Вот и вы ... в наших краях... – начал Порфирий, протянув ему [Раскольникову] обе руки. – Ну, садитесь-ка, батюшка! (Ф. Достоевский «Преступление и наказание»⁵).

Подводя итоги, можно сказать, что вначале появляется *батя*, потом *батюшка* и затем уже вторичное междометие *батюш-*

³ Сейчас существует только как фамилия (по данным авторов статьи).

⁴ См.: Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Е. Л. Гинзбург и др.; гл. редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. 442 с.

⁵ Постоянное ласковое обращение *батюшка* Порфирия Петровича к Раскольникову явно характеризует их отношения и делает очевидной игру следователя с преступником в «кошки-мышки»: – *Да не беспокойтесь же вы о форме, – перебил Порфирий, с прежнею лукавою усмешкой и как бы даже с наслаждением любуясь Раскольниковым, – я вас, батюшка, пригласил теперь по-домашнему, совершенно этап по-дружески!* (Ф. Достоевский «Преступление и наказание»).

ки, которое относим к разговорному пласту. Ниже мы рассмотрим именно вторичное междометие.

ВТОРИЧНОЕ МЕЖДОМЕТИЕ **БАТЮШКИ!**

Как показывают примеры литературных текстов, междометие употребляется в нескольких формах: *Батюшки (мои)!*, *Батюшки (мои) светы!* (в словарях мы их видим с пометой «разговорное») и *Батюшки святы!* (словари фиксируют как «просторечное»); иногда это междометие осложняется прилагательным (*Батюшки родимые!*); вариант *Батюшки, сватушки!* встречается всё реже (обозначается как «устарелое»).

Стоит упомянуть, что возникают случаи, когда разные чувства имеет сходное выражение, так, по данным русского языка человеческие реакции испуга пересекаются с радостью, восторгом, удивлением, негодованием, возмущением, со стыдом и т. д. И рассматриваемые нами клише с центральным междометием *Батюшки* являются формой выражения разных (в том числе полярных) ситуаций: с одной стороны – испуга, обиды, жалобы, ругани, а с другой – радости, особенно удивления: ***Батюшки! как я обрадовался!*** как бросился туда, где послышался мне голос... (И. Тургенев, *Стук... стук... стук!*); – ***Что ты, батюшка? Не с ума ли спятил, али хмель вчерашний ещё у тя не прошёл?*** (А. Пушкин «Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Гробовщик»); – ***Батюшки, что ж это такое? – удивился неподалёку от Дрынова пожилой красноармеец...*** (В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»).

Сосуществование *испуга-удивления* можно частично объяснить этимологической памятью слова *ужас* (один из синонимов группы *страх*) родственен словам «изумление, изумится, поразиться»¹. Но в сферу наших интересов входят только

лингвистические единицы, выражающие испуг.

Любопытно, что иногда междометная реакция соединяется с обращением за спасением к заступникам, порой мы наблюдаем употребление первичных и вторичных междометий в одном тексте: *Боже мой! Батюшки!*; *Ах, батюшки!*; *Ой, батюшки!*; *Батюшки! Угодники!*; *Матушки-батюшки!*; *Батюшки, сватушки!* *Выносите, святые угодники!* и т. д.

Приведём примеры совместного употребления:

– *Ах, ох, батюшки!* – ужасалась старуха. – *Святители-угодники!* (А. Чехов «Моя жизнь»); – *Боже мой! Батюшки!* Он себе шею сломит (А. Сухово-Кобылин «Свадьба Кречинского»); Не успела я со двора выехать, как слышу, низок-то подо мною тресь-тресь-тресь. «Ах, – думаю, – батюшки, ведь это я проваливаюсь!» (Н. Лесков «Воительница»); ***Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники!*** *В эти две недели высечена унтер-офицерская жена!* (Н. Гоголь «Ревизор»).

В современном русском языке обнаруживается множество примеров с междометием *батюшки (мои)*: – *Лид, а Лид, – тут Кудинкин заметил разъярённую Трёхдюймовочку, – батюшки, у меня же кипятильник на подоконнике не выключен!* (О. Некрасова «Платит последний»).

Здесь отметим, что, это междометие чаще поизносят женщины, чем мужчины², ср.: – ***Батюшки-светы,*** – пробормотала Таня, – *сейчас будет чай. И какие базы он взламывал?* (Т. Устинова «Подруга особого назначения»); ... *мать в одной комбинашке коло окна стоит. Ну, возле то есть. Стоит и ревьёт белугой «Ой, батюшки, конец света наступил, ой, батюшки, конец света настал, конец света, конец света!!!»* (Н. Коляда «Мурлин Мурло»).

Как правило, авторы, употребляющие его, – люди среднего возраста. Он не характерен для речи подростков. По меткому замечанию русского писателя Виктора Астафьева, само слово *батюшка*, от которого происхо-

¹ См.: Ужас // Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1987. С. 151.

² По нашим данным, собранным путём неформального опроса.

дит междометие, «старинное и редкое, будто бульжину с военно-полевой дороги выворотил...» (В. Астафьев «Обертон»).

В художественных текстах, например у «писателей-деревенщиков», это междометие используется для речевого портрета говорящего. Относительно часто оно встречается в произведении В. Шукшина, ср.: *Утром её вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.* – **Батюшки святые!** – испугалась мать (В. Шукшин «Материнское сердце»).

Словосочетание *батюшки светы* в одном из толковых словарей даётся с пометой «устаревшее и просторечное»¹, подобное видение можно заметить и у современных авторов, к примеру: «**Батюшки светые!**» – ещё раз повторил про себя Яков Александрович, смакуя это нелепое старушечье выражение, казавшееся вкусным и смешным одновременно (Н. Щерба «Цыганский перстень»). Хотя, честно говоря, «трудно поймать момент ухода» [5, с. 88] слова и пока «лингвисты не умеют фиксировать это довольно условное прочтение слова с языком» [там же, с. 88].

Батюшки! в современном языке, несомненно, представлен.

ГРУППЫ, ОБРАЗУЕМЫЕ МЕЖДОМЕТИЕМ БАТЮШКИ!

Анализ примеров позволяет выявить основные варианты употребления данного междометия. Мы можем выделить несколько контекстов:

I. С другими «страшными» характеристиками страха: *свет в глазах меркнет, небо с овчинку покажется, мороз по коже* и др., например: *Лупите! Режьте! Мерчуткина. Ах, ах... батюшки, в глазах томно! Ах!* (А. Чехов «Юбилей»).

II. В абсолютном употреблении, ср.: «**Батюшки!** Соловей-то как страшно поёт. Цветы-то цветут как жутко...» (П. Крусанов «О природе соответствий»); *На поляне, кое-как освещённое, стояло*

огромное яйцо. Причём безо всякой подставки. – **Батюшки светые!** – охнула бабушка (Л. Петрушевская «Город Света»).

III. Соединение с последующим вопросом (в основном о том, что было и что будет): *Батюшки! Что такое у вас?; Батюшки мои, что же будет теперь?; Батюшки, что же мы будем делать?; Ах батюшки, да что я сделал?; Батюшки мои, что случилось?; Батюшки мои, что ж это? Ах, батюшки-светые! что это? и т. д.*, например: – **Что? Что? Батюшки мои, что случилось?** – раздаётся на печке испуганный нянькин голос (А. Пантелеев «Лёнька Пантелеев»); *Когда Пётр Ефимович умер, его жена в ужасе всплеснула руками и закричала на весь дом: – Батюшки! Что мы будем делать-то? Сироты остались горемычные, – батюшки!* (М. Горький «Мужик»).

IV. С последующим описанием ситуации: *Ой, батюшки, давят! Ой, голубчики, давят!; Ай, батюшки, лошадь кончается!; О, батюшки, где я?; Батюшки, беда!; Ой, батюшки, до смерти забьют!; Батюшки, вода, вода везде!; Батюшки, он умер; Батюшки светые, мертвецы!; Батюшки, горим!; Ой, батюшки, ослеп я!* и т. д. Приведём несколько примеров: – **Горим! Батюшки, горим!** (М. Дяченко, С. Дяченко «Магам можно всё»); – **Батюшки светые, они стреляют!** – крикнул Саша (М. Баконина «Школа двойников»); *Меня удерживал от падения только меч. Батюшки светые, мертвецы!* (А. Белянин «Свирепый ландграф»).

V. С последующей просьбой-криком-мольбой о помощи, например, *Батюшки родимые, спасите, помогите* и др.: *Схватившись руками за место, где за несколько секунд до этого висел замок, и увидев, что замка нет, женщина диким пронзительным голосом заорала: – Батюшки! Милые мои! Караул!* (А. Пантелеев «Лёнька Пантелеев»).

VI. С указанием на источник испуга: *Батюшки, батюшки, помогите!.. Беда... Помогите... Валимся, падаем!; Батюшки! Разбой! Помогите!; Батюшки, помогите, умираю!* и т. д. Приведём примеры сказанному: – **Батюшки, помогите!** – завопил земский. – **Погибаю... помогите!..** (М. Загоскин

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. С. 38.

«Юрий Милославский, или русские в 1612 году»); *Петух страшно перепугался, распустил крылья и заорал благим матом: – Ой, батюшки, убили... живого петуха убили. Караул... Батюшки, батюшки!..* (Д. Мамин-Сибиряк «Упрямый козёл»).

Таким образом, мы смогли выделить несколько разнообразных групп употребления междометия *Батюшки!* в современном русском языке.

О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОЛОСА И ПОВЕДЕНИЯ ИСПУГАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Интересно проследить и явные изменения человеческого голоса под воздействием испуга. Человек *ахает, кричит, вскрикивает, голосит, орёт, вопит, визжит, взвизгивает, воет и восклицает*, а его голос бывает *режущим, диким, плачевным, отчаянным, пронзительным, раздражающим душу, истошным, утробным, очень громким*, так что *уши затыкай* – человек кричит *что есть сил, во всю глотку, благим матом, на весь дом, с повторами* – и всё это с целью привлечь внимание и добиться помощи. Или, наоборот, речь его негромка, иногда неясна: субъект *говорит, бормочет, шепчет*.

Необходимо сказать, что речевая активность субъекта, испытывающего испуг, может сопровождаться внешней активностью тела. Так, человека иногда *бежит и кричит, с визгом выбегает* и т. д.; от испуга человек *всплёскивает руками, хлопает ладонями, хватается за сердце или голову, приседает со страху, а также падает на пол, на окружающие предметы – на стул или кому-то на руки* (особенно в предшествующие века), ср.: *Страшный, раздражающий душу вопль вырвался из груди Катерины; она схватила себя за волосы и вдруг бросилась бежать, как сумасшедшая, к улице, не переставая кричать на всю деревню: – Батюшки! парниш-*

ку украли! Спасите, родные! помогите! (Д. Григорович «Переселенцы»).

Для усиления мольбы о помощи обращение к заступникам подкрепляется и мимикой, например, мольбой в глазах¹: – *Батюшки!.. грабят!.. Толпа тотчас же задержала испитого мазурика, котормый, весь дрожа и приседая от страха, кидал вокруг себя дикие, молящие взгляды* (В. Крестовский «Панургово стадо»).

Интересно, что иногда перед подобным активным поведением субъект может находиться в полной, но недолгой статике, ей на смену приходит *необыкновенная прыткость*, осложнённая, как правило, криком (как было выше указано): *Пьяшка остолбенела; но это продолжалось секунду: каждый её суставчик, каждая жилка получили вдруг прыткость необыкновенную; она выскочила на улицу, потом метнулась к барскому дому, снова вернулась на улицу, прокричала несколько раз сряду «Пожар! Батюшки, пожар! Касатики, пожар!»* (Д. Григорович «Переселенцы»).

Таким образом, испуг находит выражение как в речевой форме, так и в разнообразных поведенческих реакциях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы рассмотрели речевое выражение испуга на материале примеров эмоциональных восклицаний с вторичным междометием *батюшки!*

Мы отметили несколько контекстов употребления междометия *Батюшки!* и коснулись поведенческой формы испуга.

Работа проводилась в русле подготовки исследования, посвящённого анализу вербальных средств, используемых носителем русского языка в ситуации эмоционально-переживания.

Статья поступила в редакцию 17.09.19.

¹ О роли симптоматики см. также [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Н. Г. Мужские апеллятивы в мужском дискурсе: образы «своего» // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 371–381.
2. Брагина Н. Г. «Родственные» обращения к неродственникам и принципы их описания // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения: сборник докладов / Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. С. 32–42.
3. Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи [Электронный ресурс] // Флогистон: психология из первых рук : [сайт]. URL: http://flogiston.ru/library/galperin_talk (дата обращения: 01.03.2019).
4. Диневи́ч И. А., Бутакова А. А. Сопоставление междометий как специфической единицы языка в русском и английском языках // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: сборник материалов VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2015. С. 105–110.
5. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
6. Лазухина Л. В. Об исследованиях междометий в русском, английском и казахском языкознании // Современный ученый. 2017. № 3. С. 55–62.
7. Мехраби К. Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках // Преподаватель XXI век. 2016. № 1-2. С. 291–304.
8. Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. 296 с.
9. Шаронов И. А. О роли симптоматики в коммуникации. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 9 (18). С. 52–60.
10. Шатилова Л. М., Ануфриева Е. И. Сравнительная характеристика междометий в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). С. 407–410.

REFERENCES

1. Bragina N. G. [Male appellatives in the male discourse: images of “their own”]. In: Arutyunova N. D., chief ed. *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing Discourse]. Moscow, Indrik Publ., 2012. pp. 371–381.
2. Bragina N. G. “Related” addresses to non-relatives and principles of their description]. In: Rozanova N. N., chief ed. *Russkii yazyk segodnya. Vip. 5. Problemy rechevogo obshcheniya: sbornik dokladov* [Russian language today. Issue 5: Problems of verbal communication: a collection of reports]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 32–42.
3. Gal’perin P. Ya. [On the question of inner speech]. In: *In: Flogiston: psikhologiya iz pervykh ruk* [Phlogiston: psychology firsthand]. Available at: http://flogiston.ru/library/galperin_talk (accessed: 01.03.2019).
4. Dinevich I. A., Butakova A. A. [Comparison of interjections as a specific unit of language in Russian and English]. In: *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom prostranstve: sbornik materialov VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii shkol'nikov, studentov i aspirantov* [Language and intercultural communication in the modern information space: a collection of materials of the 6th All-Russian scientific conference of schoolchildren, students and graduate students]. Kursk, The Southwest State University Publ., 2015. pp. 105–110.
5. Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. M.: Znak, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 232 p.
6. Lazukhina L. V. [On the studies of interjections in Russian, English and Kazakh linguistics]. In: *Sovremennyi uchenyi* [Modern Scientist], 2017, no. 3, pp. 55–62.
7. Mekhrabi K. [Comparative analysis of interjections and onomatopoeia in Russian and Persian languages]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the 21st Century], 2016, no. 1-2, pp. 291–304.
8. Sharonov I. A. *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjections in speech, text, and dictionary]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2008. 296 p.
9. Sharonov I. A. [On the Role of Symptomatology in Communication]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2016, no. 9 (18), pp. 52–60.
10. Shatilova L. M., Anufrieva E. I. [Comparative characteristic of Russian and German interjections]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2018, no. 8-2 (86), pp. 407–410.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брагина Наталья Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: natasha_bragina@mail.ru

Рябова Юлия Андреевна – старший педагог Центра обучения русскому как иностранному, Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

e-mail: YuARyabova@pushkin.institute

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya G. Bragina – Doctor of Philological Science, Professor at the Department of Language Arts and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute; Professor at the Department of Russian language, Russian State University for the Humanities;

e-mail: natasha_bragina@mail.ru

Yulia A. Ryabova – senior lecturer at the Centre for Teaching Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute;

e-mail: YuARyabova@pushkin.institute

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Брагина Н. Г., Рябова Ю. А. *Батюшки!* Опыт лингво-прагматического описания междометия *испуга* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 15–25.

DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-15-25

FOR CITATION

Bragina N. G., Ryabova Yu. A. *Batyushki!* The Experience of the Linguo-pragmatic Description of the Interjection of *Fright*. Addresser and addressee of business discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 15–25.

DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-15-25